

Любование снежным пейзажем.

Земля была облачена в серебряный наряд.

Всю ночь большие хлопья снега, кружась в танце, опускались на землю, укрывая дворец толстым слоем нового белоснежного одеяния.

После того как выглянуло солнце, большие снега немного растаяли, постепенно превращаясь из пушистых, как гусиные перья, хлопьев в мелкую, словно порошок, крошку. При свете, что исходил от белых облаков, снежинки, кружащиеся в воздухе, были похожи на дождевые капли.

Бескрайне-белое заснеженное поле, изысканные и блестящие, словно жемчуг, сосульки, что украшали ветви деревьев, преобразившийся сад с декоративными горами, снежный покров, укрывающий большую часть навеса стены царского двора, — издали и вблизи эти пейзажи всё равно выглядели прекрасно.

Это было самым наилучшим временем, чтобы любоваться снежными красотами.

Почти всем императорским наложницам, а также самому императору с его подданными нравилась подобная идея, поэтому, столкнувшись с таким счастливым временем, не обошлось без указа подать фрукты, вино, позвать музыкантов, танцоров и наслаждаться созерцанием.

Только второй сын нынешнего императора Янь-ди Юн Шань, которому недавно исполнилось четырнадцать лет, считал это напрасной тратой времени, а принцев, что любовались пейзажами, считал в большей степени ленивыми и не достойными похвалы.

По природе своей юноша был самым замкнутый из всех четырёх сыновей императора Янь-ди.

Более того, Юн Шань менее всего любил воспевать ветер и луну [1]. Юноше не было и двадцати лет, однако он уже обладал моральными качествами, которые были присущи взрослому мужчине, и строгой самодисциплиной.

С тех пор, как Огненный император Янь-ди увидел, что сыновья подросли, а также после того, как лично выделил каждому из них несколько находящихся во дворце опочивален, Юн Шань покинул матушку и первым делом установил для себя целый ряд правил.

Каждый день, отойдя ото сна, юноша, помимо утренних и вечерних визитов к матушке, слушал уроки наставника, в остальное время он не предавался развлечениям, а, наоборот, должным образом обучался искусству боя и много читал книг, постигая знания.

В этот день Юн Шань нисколько не был склонен любоваться прекрасным зимним пейзажем и продолжал следовать собственным правилам. Проснувшись рано утром и закончив умываться и переодеться, юноша услышал рядом с собой голос управляющего придворного евнуха — Чан

Дэфу, который озвучил слова, переданные из уст слуг от наставника: «Сегодня не приду, и потому юный сын императора может отдыхать».

Услышав это, Юн Шань сказал:

— Раз уж не будет занятий, тогда поупражняюсь в стрельбе из лука. Но сначала навещу почтенную матушку и справлюсь о её здоровье, а ты пока возьми лук, стрелы, установи мишень и жди моего возвращения.

Перекинувшись парой слов с Чан Дэфу и поручив ему дело, юноша взял с собой нескольких слуг и покинул дворец.

Проделав небольшой путь и пройдя вдоль увядших ив, Юн Шань уже собирался войти во дворец наложницы Шу, как до его слуха неожиданно донёлся звонкий и полный воодушевления возглас.

— Холодно! Ты, негодник, вчера забыл про ужин? Ты такой хилый, что замахнёшься и даже сил не хватит разбить кончик носа! — сказал до крайности знакомый голос.

Как только Юн Шань его услышал, остановился и бросил взгляд на заснеженную площадь, на которой стояла куча разных снеговиков, как попало украшенных бамбуком и неизвестно где найденными морковками. Ещё за снеговиками явно кто-то прятался, сжимая голову, иногда лишь выглядывая из-за слепленных фигур, люди вытягивали руки, в которых были снежки, и весело кидали их в друг друга.

— Юн Линь. — Острый на глаза Юн Шань с первого раза узнал в одном из прячущихся силуэтов своего младшего близнеца.

— Старший брат! — громко отозвался стоящий позади снеговика Юн Линь, мгновенно покидая своё «убежище». — Ты меня ищешь? — Подбежал покрасневший от игры юноша и встал напротив брата, с которым был похож как две капли воды.

— Что ты здесь делаешь в такую рань? — нахмурил брови Юн Шань.

— Играем в снежки! Ночью был снегопад. Старший брат, посмотри, я слепил снежного верблюда, похож? — И взволнованный Юн Линь указал на площадь.

Хоть братья и были одного возраста и похожи как две капли воды, однако Юн Шань по характеру сильно отличался от Юн Линя. Первый с недовольным и мрачным лицом пробурчал:

— Вместо того, чтобы отправиться на занятия, ты со слугами пришёл сюда, чтобы слепить каких-то снеговиков? Ты уже взрослый, а ведёшь себя как маленький. Ты навещал сегодня матушку, справлялся о её здоровье?

— Вчера я остался ночевать у неё, и справляться о её здоровье мне было ни к чему. — Юн Линь являлся младшим сыном и был близок с наложницей Шу. Ответив не менее победоносно, юноша обернулся и, помахав, ждущим его слугам, что играли с ним, вскоре повернул голову, краем глаза замечая недовольный вид Юн Шаня. Улыбнувшись и состроив гримасу, юноша сказал: — Старший брат, сегодня тебе не удастся учить меня. Отец-император тоже очень рад выпавшему снегу и ещё издал указ, где разрешил сынам императора не ходить на занятия, а хорошенько насладиться этим днём. Я тебе не лгу, иначе где твой наставник, разве он не пришёл на занятия? Однако я получил высочайший указ развлекаться, а твоё препятствие мне можно будет посчитать как неповиновение этому указу. — Закончив говорить, Юн Линь обернулся, собираясь убежать.

Однако Юн Шань, схватив младшего близнеца, потащил обратно.

К этому непослушному, шумному и не любящему учиться младшему брату Юн Шань испытывал и радость, и одновременно злость, стоило ему того увидеть.

Потянув разгорячённого и беспокойного близнеца, Юн Шань смерил его взглядом и холодно проговорил:

— Игры играми, но не нужно забывать и о своём здоровье. Во время самых сильных морозов тебя может просквозить, ты хочешь своей простудой заставить матушку волноваться?

Однако Юн Линь нетерпеливо возразил:

— Нисколько не холодно.

— Вздор! — Не обращая внимания на недовольное лицо младшего близнеца, Юн Шань снял с себя толстую парадную шубу из овечьей шерсти и упрямо надел её на Юн Линя. — Это тело тебе даровали отец с матушкой, а если ты простынешь, то проявишь свою непочтительность к ним. Твой наставник не пришёл на занятия? — Юн Шань свирепо уставился на младшего близнеца, взглядом запрещаая тому снимать с себя только что накинутую шубу.

Однако стоило ему разжать руки, как Юн Линь, словно спущенная с цепи обезьяна, немедля ускользнул прочь.

Юн Шань развернулся, и стоило сделать несколько шагов, как вновь услышал донёсшийся сзади голос Юн Линя:

— Старший брат!

Юноша обернулся.

Словно внезапно что-то вспомнив, младший близнец подбежал обратно и спросил:

— Ты сейчас идёшь справиться о здоровье матушки?

— Да, а что?

— Ничего, — Юн Линь, обнажив белоснежные зубы, засмеялся. — Несколько дней назад во время своей прогулки я отправился на рынок, где попутно купил несколько серебряных заколок ручной работы, это совершенно не заслуживающие внимания безделушки. Я никак не думал, что вчера вечером подаренная мной заколка сильно понравится матушке, она даже сказала, что эта новая безделушка забавнее дворцовых украшений. Так вот, у меня во дворце Аньи, в шкафу моей комнаты, лежат ещё несколько таких же заколок... — подмигивая, юноша засмеялся и немного приблизился. — Всё равно старший брат собирается встретиться с матушкой, когда будешь идти мимо моего дворца, попутно их захвати и подари ей в утешение. Ей понравится. Да, кстати, при случае помоги передать матушке мои слова, что я сегодня целый день буду развлекаться на улице и не приду обедать. — И только тогда, договорив последние слова, юноша, не дожидаясь новых укоров старшего близнеца, спешно умчался.

Юн Шань, глядя на ни к чему не стремящийся силуэт, только и мог покачать головой и, пройдя небольшую часть пути, отправился во дворец Аньи.

Хоть снега выпало не слишком много, однако температура всё равно была низкой. Ну, а так как он отдал свою тёплую шубу Юн Линю, Юн Шань с каждым проделанным шагом стал замечать, что понемногу замерзает.

Дойдя до дворца Аньи, юноша приказал вышедшему навстречу слуге:

— Вынеси парадную шубу Его Высочества Юн Линя, я надену её.

Рождённый, как и Юн Линь, от одной матери, к тому же являющийся его близнецом, который сильно отличался от остальных сынов императора Янь-ди, Юн Шань был частичным хозяином во дворце Аньи, поэтому, получив от него приказ, управляющий евнух спешно вернулся внутрь и вынес, держа в двух руках, хорошую новую шубу, после чего накинул на плечи юноши. Тщательно пригладив ворс воротника, слуга прищурился и со смешинками в глазах проговорил:

— Два Высочества обладают одинаковой фигурой, и Вам подойдёт любая одежда Его Высочества Юн Линя. У Вашего Высочества есть ещё какие-нибудь распоряжения? Снаружи выпало так много снега и необычайно холодно, Ваш слуга нальёт Вам горячего свежесваренного маоцзянь [2], если Ваше Высочество замёрз.

— Нет необходимости, — расправив на себе шубу, равнодушно произнёс Юн Шань. — Я лишь возьму кое-какие вещи и уйду.

Махнув рукой как управляющему, так и остальным слугам, принц отдал приказ, что ничего не нужно, и лично вошёл в опочивальню младшего близнеца, где взял из прикроватного шкафа

несколько серебряных заколок.

Развернувшись и покинув комнату, юноша подошёл к главным воротам дворца и уже собирался спуститься по ступеням, как внезапно остановился.

Перед глазами неожиданно возник утончённый и изящный облик старшего из братьев — Юн Ци.

— Юн Линь, ты хочешь покинуть дворец? — Унаследованные от наложницы Ли длинные и очаровательные брови слегка приподнялись, а лёгкая улыбка украсила губы Юн Ци. — Но, к сожалению, появился я. — Он уже сделал три шага, поднимаясь по ступеням, вместе с этими словами юноша словно смотрел вдаль, любясь снежным пейзажем и не оборачивался.

Сердце Юн Шаня заколотилось в груди.

Неожиданно встретив старшего брата, которого любил всей душой и который сейчас был на расстоянии вытянутой руки, Юн Шань почти затаил дыхание.

Заметив, что юноша, похоже, собирается обернуться, Юн Шань почувствовал, как от волнения сердце почти готово было вырваться из груди. Он без раздумья спешно вытянул руку и, схватив старшего брата, проговорил:

— Нет-нет, я только что вернулся.

Будучи схваченным за запястье, Юн Ци слегка наморщил брови от боли и непонимающе посмотрел на юношу.

Юн Шань сразу заметил это и, боясь, что старший брат возьмёт и в страхе убежит, спешно, словно отвергая обвинения, разжал руку.

— Я только вернулся. — Стоя напротив и чувствуя мягкое дыхание Юн Ци, Юн Шань в мгновение ока понял, что старший брат обознался. Отчего в душе внезапно возникли два чувства: удивление и ненависть, происходящая из зависти. Ведь до сих пор избегающий его Юн Ци, кто бы мог подумать, ни с того ни с сего принял его за Юн Линя!

В его глазах лишь младший близнец!

Юн Шань сдерживал холод, исходящий от его тела, словно подавляя зверя, который вдруг беззвучно впился когтями в сердце. Юноша подсознательно стал копией младшего брата, подражая его манере речи и движениям.

— Я всю дорогу бежал, отчего стало слишком жарко, потому-то и остановился на ступенях,

чтобы немного остыть. А по какому поводу старший брат ищет меня? — и мягко улыбнулся старшему брату.

Не боясь его взгляда, Юн Ци тоже улыбнулся и, понимая, что младший брат не собирается покидать дворца, а лишь делает вид, что направляется к главным воротам, поднялся на ступень, говоря:

— Посмотри на этот приятный глазу искристый снег. Я вспомнил, что у тебя за дворцом есть несколько деревьев старой дикой сливы [3], которая в такую погоду, может быть, уже расцвела.

Юн Шань сразу же всё понял, и ему захотелось написать хвалебные стихи для этого большого снега. Скрывая внезапный восторг от подарка, ниспосланного свыше, юноша покорно ответил Юн Ци:

— Верно, любоваться только что выпавшим снегом на сливе — самое-самое чудесное занятие, я помню, что старшему брату нравится созерцать снежный пейзаж. — Собираясь сказать ещё пару слов, чтобы порадовать Юн Ци, Юн Шань заметил, как внезапно юноша с сомнением посмотрел на него, отчего настороженно прервался и, притворяясь, что ничего не понимает, спросил: — В чём дело, старший брат?

Взгляд Юн Ци, ясно различая, где ложь, а где правда, скользнул по старшему близнецу, и, сжав губы, юноша проговорил:

— Тот, кто льстит без причины, либо предатель, либо вор [4]. Необоснованные приятные речи словно шпилька. Юн Линь, ты что-то натворил вне стен дворца и искал старшего брата, надеясь, что он поможет тебе выбраться из создавшейся передрыги?

— Нет.

— Хорошо, что нет. — Лицо юноши было переполнено чрезмерной любовью к Юн Линю, даже его глаза излучали тепло. Потянув рукав Юн Шаня, старший брат потрогал его и обнажил шелковинку радости: — Ты надел новую парадную шубу? Она тебе в пору? Для меня она была несколько велика, у тебя плечи шире моих, и одежда приходится в самый раз. Её прислали в дар из страны Байло, её мех тёплый и приятный, ты можешь бывать где угодно, однако не умудрись за несколько дней наделать в ней дырок.

Только сейчас Юн Шань узнал, что эта шуба являлась подарком от Юн Ци Юн Линю, который с пренебрежением отнёсся к ней, повесив с другими вещами, и позволил слуге вынести ему, временно одалживая её.

Будучи без стеснения схваченным за рукав шубы и несмотря на середину зимы, Юн Шань чувствовал, как пьянеет.

Однако в этом опьянении ощущался привкус кислого вина, смешанного со своеобразной любовной завистью к чему-то чужому. Любовь и зависть — противоречивые чувства, шипы которых сейчас впивались в сердце юного принца.

Увидев, что Юн Ци направляется во дворец Аньи, Юн Шань помимо своей воли отправился за ним. В глазах юноши прекрасный стройный силуэт старшего брата выглядел так, словно был окутан светящейся туманной дымкой.

— Его Высочество наследный принц прибыл, — увидев вошедшего Юн Ци, все слуги дворца Аньи спешно вышли поприветствовать его.

Подняв голову и увидев Юн Шаня, который следовал позади Юн Ци и махал рукой, приказывая удалиться, слуги не понимали, что же происходит между сынами императора, однако, увидев приказ Юн Шаня, чей характер сильно отличался от ласкового Юн Линя, и зная, что юноша не терпит непокорности, слуги, низко свесив головы, крадучись покинули комнату.

Мягкий по характеру Юн Ци, увидев, как все слуги удалились, совершенно ничего не заподозрил. Из всех братьев юноша был очень дружен с Юн Линем и постоянно мог приезжать во дворец Аньи, где хорошо знал каждый уголок в сравнении с другими дворцами. Вольготно и медленно пройдя к боковой галерее, юноша через резную низкую изгородь, что была на подоконнике, посмотрел во двор и, невольно придя в восторг, легко вскрикнул:

— И впрямь расцвела, смотри!

Также не оборачиваясь, лишь глядя на усыпанное снегом дрожащее на ветру дерево, на котором расцвели тёмно-красные цветы, Юн Ци вытянул руку, притягивая Юн Шаня за предплечье:

— В серебряном наряде вырезанное словно из нефрита. Учитель Лэй часто говорил: «Красавица подобна пейзажу, пейзаж подобен красавице, и то и другое подходит и различается, различается и подходит». Это дерево сливы, стоящее в снегу, разве оно не похоже на живую красавицу? — И губы расплылись в невинной и очень лёгкой улыбке.

Впервые Юн Шань не знал, как на подобное отреагировать.

В этот миг он застыл. Юноша был так взволнован, что не мог проронить ни слова.

В который раз он тайком наблюдал за изящным, не имеющим ни единого изъяна старшим братом, однако всё же впервые, находясь так близко, увидел беззащитную, лёгкую и счастливую улыбку.

Словно ребёнок!

Юн Шань уставился на изящное лицо Юн Ци, пристально смотрящего на цветущую сливу. В сравнении с беззаботно падающими хлопьями снега его лёгкая улыбка была невинной и чистой, незапятнанной мирской пылью.

Ему действительно хотелось навсегда сохранить в своих глазах это мечтательное лицо и эту улыбку. Однако юноша не смел тревожить смехом любящегося сливой Юн Ци. Та решительность и сметливость, которыми всегда обладал Юн Шань, сейчас исчезли бесследно, оставив лишь одурманенного сладким сном второго принца, который долгое время неотрывно смотрел на любимого всей душой старшего брата. Полупьяный, полутрезвый, юноша подхватил нить беседы и тихо произнёс:

— Верно, разве оно не похоже на живую красавицу?

Набравшись мужества, Юн Шань медленно накрыл ладонью лежащую на предплечье руку Юн Ци, крепко стискивая, а сам, опустив голову и притворяясь спокойным, сказал:

— Сейчас середина зимы, старшему брату нужно одеваться теплее, когда он идёт на улицу, а то пальцы совсем ледяные.

— М? А когда это ты, похожий на грубые ветви и большие листья [5], начал о ком-то заботиться? — Юн Ци обернулся и рассмеялся: — Успокойся, если я оденусь недостаточно тепло, думаешь, матушка меня выпустит из дома? С тех пор, как отец-император издал указ и возвёл меня в сан наследного принца, матушка стала ещё более... — внезапно он остановился, было похоже, что юноша не хочет продолжать эту тему и, делано улыбнувшись, сменил разговор: — Это не моя рука ледяная, это твои ладони теплее, чем обычно, это соответствует тому, что ты с самого детства занимаешься искусством боя. Почему мне кажется, что твои ладони стали влажными?

Схватив снизу ладонь Юн Шаня, юноша вытянул её перед глазами и шутя сказал:

— Какими постыдными делишками ты занимался, отчего руки в холодном поту?

Сердце Юн Шаня подступило к горлу.

Спустя мгновение, поняв, что Юн Ци лишь шутит, юноша неохотно рассмеялся:

— Слишком тепло оделся, в этой подаренной старшим братом шубе действительно очень уютно. Утомительно наслаждаться цветами сливы стоя, я позову придворных, чтобы подали разогретое вино и горячие блюда. Разве неудобно будет сидеть в стороне, вкушая еду, и любоваться сливой?

Юн Ци кивнул:

— Так будет даже лучше. Только матушка не разрешает мне пить вино на улице, лучше прикажи подать горячий чай.

Боясь, что слуги по неосторожности разоблачат его, Юн Шань не стал их звать при Юн Ци, наоборот, сам вышел за дверь, где подозвал людей и, дав детальный наказ, спешно вернулся к старшему брату, говоря:

— Все приказания отданы. Чайник горячего чая, две тарелочки с мясным горячим блюдом, два блюдечка горячих овощей, а ещё большая тёплая печь. Цветы чая цайдэсян, который был собран на горе Тайбай, — очень ароматный и сладковатый на вкус, к тому же он не вредит желудку, его белые листья, полежав в кипятке, будут похожи на хлопья снега, и он как нельзя лучше подходит для момента созерцания снежного пейзажа.

Слушая, Юн Ци украдкой улыбался, как только все слова были сказаны, старший брат, не сдержавшись, захихикал:

— Солнце взошло на западе [6]. Кто бы мог подумать, что ты так внимателен к мелочам, словно тебя подменили.

— Старшему брату не нравится внимание к мелочам?

— Нравится-нравится. — Юн Ци, переняв у младшего брата полный чрезмерной любви тон, без раздумья ответил: — Из всех братьев только ты хорошо относишься ко мне.

Сделав вид, что ничего не имеет против, Юн Шань разомкнул губы и как бы вскользь проговорил:

— Возможно, и другие братья хорошо относятся к старшему брату, только старший брат не знает об этом. — Лелея в груди огонёк надежды, юноша посмотрел, как отреагирует Юн Ци.

Однако сам старший брат совсем не принял его слова близко к сердцу. Юн Ци нашёл поблизости стул и, подняв подол платья, сел на него. После чего развил мысль:

— Поскольку мы одна семья, то и остальные братья, конечно же, хорошо относятся ко мне.

Он произнёс это без какой-либо ошибки, однако Юн Шаню от услышанного стало не по себе, словно он проглотил мошку живьём.

Юноша попытался обуздать себя, но всё же неприятный осадок остался. Поддавшись внезапному порыву, Юн Шань поднялся с места и, подойдя ближе, спросил:

— Тогда старший брат чувствует к себе хорошее отношение со стороны Юн Шаня?

— С чего вдруг ты решил упомянуть о нём?

— Неожиданно захотелось поговорить о нём, — Юн Шань лишь чувствовал, как возмущение подступило к гортани. Будучи сытым по горло, юноша нетерпеливо спросил, вороша прошлое: — Разве Юн Шань дурно относился к старшему брату? Почему старший брат так презирает его?

— Юн Линь, что с тобой такое сегодня? — Юн Ци поднял голову и изумлённо посмотрел на него. — Ты плохо выглядишь, уж не заболел ли? — И заглянул в его глаза.

За высказанные слова Юн Шань уже очень раскаивался, увидев, что Юн Ци стал что-то подозревать, юноше очень захотелось одарить себя пощёчинами. И Юн Шань спешно рассмеялся:

— Пустяки. Юн Шань является моим родным старшим братом, разве мне совсем не стоило упоминать о нём?

В этот момент раздался звук приближающихся шагов, и Юн Шань, словно избегая совершенной ошибки, проговорил:

— Это, наверно, чай и еду принесли, пойду посмотрю.

Юноша обернулся, однако стоило заметить неожиданно появившийся силуэт, как Юн Шань внезапно замер.

— Почему вы здесь? — в замешательстве и шутя бранился Юн Линь, входя в комнату. После чего сказал со смехом: — Я спросил у слуг, почему они вытащили печь на улицу, а оказывается, два моих старших брата пожаловали в логово дикого кота [7]. Впрочем, вы вдвоём очень редкие гости в моём дворце.

Юн Ци обернулся и, увидев Юн Линя, испугался. Внезапно изменившись в лице, юноша наконец-то понял... Только что он разговаривал с мрачным и холодным вторым младшим братом — Юн Шанем!

Изумляясь и испытывая беспокойство, юноша подумал: «Мы же являемся братьями, сказал бы прямо, что я обознался, было бы хорошо. Однако почему вместо этого он старательно притворялся Юн Линем? От такого юного и настолько хладнокровного младшего брата действительно бросает в дрожь».

За размышлениями Юн Ци незаметно посмотрел на Юн Шаня, начав сравнивать обычно несловоохотливого и холодного младшего брата с другим. Чем дольше он это делал, тем больше хотелось держаться от него подальше. Юноша едва заметно задрожал и даже отвёл взгляд. Хоть он не выказал своего недовольства, однако было заметно, что братья словно чужие

друг другу.

Увидев, что старший брат отвёл взгляд, ещё больше отдаляясь, Юн Шань почувствовал, как в сердце вонзается холодное лезвие.

Словно вору, пойманному и выставленному на всеобщее обозрение, Юн Шаню стало невыносимо неловко, отчаянье захлестнуло душу, будто в тёплую весеннюю погоду он угодил в прорубь и превратился в ледяную скульптуру.

Юн Шань хотел всё объяснить и произнести хоть слово, однако с губ сорвался лишь короткий, почти неслышный, осипший звук.

Юн Линь, всё ещё не замечая этого, помотал головой, сказав:

— Этот снег действительно замечательный, потому-то отец-император позволил нам пропустить занятия, чтобы мы отправились лепить снеговиков и играть в снежки, а ещё любоваться цветущей сливой. Также мы можем созерцать со старшими братьями зимний пейзаж, вкушая разные вкусности. Да, кстати, старший брат Юн Шань, говорят, что ты приказал моим слугам пойти и заварить душистый цайдэсян. Тц-тц, в прошлый раз я умолял дать попробовать его, однако ты почему-то наотрез отказался. Сказав, что настоящий цайдэсян раз в год приносит лишь десять цзиней [8] урожая и денег не нашлось, чтобы пойти и его купить, и ещё ты говорил, что такой человек, как я, может испортить его вкус своим неумением пить. Однако сегодня ты почему-то так расщедрился...

Слова ещё не были досказаны, а Юн Шань уже ушёл, не проронив ни слова.

— Старший брат? Старший брат? Ну куда ты уходишь? — Юн Линь бросился к двери, позвав несколько раз, однако увидев, как силуэт Юн Шаня исчезает вдаль, юноша обернулся и, немного погодя, спросил: — Что с ним такое?

Юн Ци долгое время хранил молчание.

Недавно став наследным принцем и подвергаясь каждый день наставлениям [9] матушки Ли: повсюду сохранять осторожность, опасаться удара из-за угла и в особенности опасаться единокровных братьев, Юн Ци сейчас без всякой причины был одурачен, или всё же его одурачила схожесть близнецов. В этот момент юноша понял фразу «царящих во дворце интриг действительно не счесть». От подобных мыслей волосы встали дыбом.

Юн Линь дважды спросил, однако Юн Ци, не пожелав раздувать это дело, не проронил ни слова и лишь с бледностью на лице тихо покачал головой.

Юн Шань вернулся к себе во дворец.

Чан Дэфу, увидев юношу вдалеке, вышел встретить его и, заботливо воскликнув, с улыбкой спросил:

— Ваше Высочество вернулся. Ваш слуга уже приготовил лук со стрелами и мишень. Не собираетесь ли поупражняться? Или сначала выпьете горячего чаю, а уж потом...

Шлёп!

Слуга не успел закончить, как Юн Шань тотчас отвесил ему звонкую пощёчину.

— Учи свою жизнь! Кто сказал, что нужно упражняться в стрельбе? Сегодня прекрасный зимний пейзаж, и потому нужно наслаждаться им, попивая вино! — Юн Шань внезапно зарычал, разразившись гневом. Окинув взглядом бескрайне-белое зимнее покрывало, что укутывало землю, юноша вновь почувствовал, как скорбь неожиданно охватывает душу. Он становился и, стиснув безупречно белые зубы, сипло усмехнулся: — Подать вина, не нужно обманывать ожидания этого пейзажа. Иди и принеси самое крепкое вино, что есть во дворце, и чем больше, тем лучше.

Держась за распухшую щёку, Чан Дэфу со страхом поглядел на юношу, не зная, как правильно поступить.

Взяв кувшин вина, принц не пожелал воспользоваться чашечкой, запрокинул голову и сделал глоток прямо посреди заснеженного пейзажа.

Отпив, Юн Шань опустил голову, потупив взгляд, уставился на мёртвое заснеженное пространство. Неизвестно, сколько юноша выпил крепкого вина, которое, наоборот, охлаждало, попав в желудок, и вызывало дрожь.

Юноша чувствовал, что выпитого недостаточно, и вновь припал к кувшину.

Крепкое вино непрерывно обжигало горло, однако Юн Шань всё больше замерзал, вспоминая, что сегодня расстояние между ним и Юн Ци значительно увеличилось, да так, что и взглядом не коснуться. Юношу тотчас же охватила печаль, не позволяя обратить взгляд вверх и взирать с надеждой.

Юный принц разразился рыданиями.

Юн Шань, очень талантливый, спокойный и сведущий сын Огненного императора Янь-ди, стоя посреди заснеженного пейзажа, что был так любим старшему брату, заливался слезами.

Выпивая горячительное вино, юноша дрожал от холода, слушая собственный отчаянный плач.

За высокой стеной и площадью, в дальнем дворце Аньи находились Юн Ци с Юн Линем.

Юноша знал, что его плач не распространится дальше этой высокой стены и площади.

Его печаль и разочарование были такими же огромными, как любовь и желание.

И все эти чувства не могли передаться его возлюбленному.

Выпивая вино глоток за глотком, юноша был словно ребёнок, растерянный и не знающий, как поступить.

Он не знал, как не впасть в отчаяние.

Юн Шань умолял Небо дать ему ещё один шанс.

Если оно даст ему ещё одну возможность, то он, Юн Шань, клянётся слезами и кровью, что ни за что не упустит её.

И Юн Ци больше не отведёт от него своего тихого взгляда.

Примечания:

[1] Обр. об оторванном от жизни произведении.

[2] Сорт зелёного чая.

[3] Китайская зимняя слива цветёт в конце зимы — начале весны, отличается морозоустойчивостью и высоким уровнем урожая.

[4] Обр.: тот, кто необъяснимо заботлив, скрывает дурные намерения.

[5] Обр. в знач.: небрежный, грубый, подходящий к делу поверхностно.

[6] Обр.: произошло что-то необычное, случилось невероятное.

[7] Обр. о разнузданном грубияне.

[8] Китайский фунт: 10 лян/500 грамм в КНР и Малайзии, 16 лян/600 грамм в Гонконге, Сингапуре, на Тайване и других территориях.

[9] В оригинале фраза звучит как «держат за уши и твердят в лицо», обр. в знач.: вразумлять, наставлять, поучать.

<http://bllate.org/book/13372/1189630>